Фауст 4.0

Александр Иванович Лесной

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уж лучше сдохнуть свободным хакером, от рук марионеток службы безопасности. Чем заживо гнить внутри системы, работая в безликой корпорации…

- Лесной Александр
  - Настоящее
  - Прошлое
  - Настоящее

Лесной Александр
Фауст 4.0

Настоящее

Старая дека от «Sony» протяжно взвыла. Резво затрещали куллеры и истасканный винт «G-Byte». Электронный монстр, с кремниевым мозгом и бегущими информационными данными по артериям, медленно оживал.

Цифровые перчатки приятно обтянули мне пальцы и ладони, лёгкий пластиковый шлем виртуалки лег на голову. Модемный разъём плавно вошёл в гнездо мобильника. Система пискнула, выдавая добро на полную загрузку операционки — разработка шведской кодер группы.

Со щелчком забрало виртуалки опустилось на глаза, дисплеи мигнули, и расцвели 64 тысячами цветами и оттенками, создавая визуальные галлюцинации, в которые меня затягивала Матрица.

Я внутри.

Мелодичный тоновый набор и Сеть гостеприимно приняла меня в себя.

Шлюз отворился, выпуская меня в живой мир Сети. Тут же со всех сторон нахлынул обильный поток информации. Я парил без движения возле входного шлюза своей системы мгновение, спустя секунду, моё тело неслось по прозрачной паутине информационной магистрали. К цели.

Я в одиночку штурмовал неприступный обелиск «Третьего Рима», закрытой корпоративной компьютерной сети из тысячи терминалов и десятков мощных серверов. Мимо меня проскальзывали обитатели сети — незатейливые легальные программисты и обычные пользователи.

Звучит почти как ругательство — обычный пользователь. Ничего яркого и интересного, элементарный обыватель, потребитель, пережевывающий информационную жвачку Матрицы с настойчивостью коровы… Одним словом — плесень.

Я же не был потребителем. О, нет. Далеко не потребитель. В одиночку мне довелось конструировать ядро «Фауста 4.0» — самое перспективное виртуальное оружие этого года, а возможно и десятилетия. Я и только я знаю его реальные возможности. А эти хмыри из «Третьего Рима» попросту вышвырнули меня с работы. Они ещё пожалеют об этом. Обещаю. Возможно, я и простил бы унизительное увольнение, меня уже давно пресытила работа в корпорации. Но они сделали нечто большее — отсекли меня от работы над Фаустом. И попытались ликвидировать…

Уничтожили все копии программы на моём домашнем компьютере. За это они заплатят. После того как разберусь с корпорацией, найду ковбоя, который исполнил их заказ — проник

в мою систему и выжег всю информацию. Причём сделал это одним из деструктивных модулей Фауста. Это было чудо, что я успел отключить шлем виртуалки, иначе посылаемые атакующим вирусом визуальные галлюцинации вызвали бы нервный паралич, или сердечный приступ. Психологи и гипнотерапевты Рима корпели над гипномодулем почти три года, результат превзошёл все их ожидания.

Гипномодуль создавал массив картинок, при быстрой смене которых, с помощью пресловутой технологии двадцать пятого кадра, в подсознание смотревшего на них человека записывалось внушение. Помимо этой дикой визуальной фиесты, влияющей на подсознательные уровни человеческого мозга, гипномодуль транслировал через динамики или наушники компьютера специфические аудио сигналы, тоже влияющие на подсознание в нагрузку к изображению. После такой обработки человек мог не просто умереть, он мог стать зомби с заложенной функцией. Это могло быть всё что угодно: от незатейливого рвотного спазма до серьёзных психических расстройств, или чего хуже — специальных инструкций, не выполнить которые жертва попросту не может. Именно им меня и попытались прихлопнуть. Я сквитаюсь. Клянусь всеми богами, что месть моя будет бить через край.

Совсем недавно я вспомнил, что значит полная свобода. Вновь ощутил себя независимым и вольным взломщиком, не исполняющим назидательные приказы сверху. Вспомнил как это прекрасно — ломать защиту серваков и кодить боевой софт. А ещё я вспомнил, что никто и никогда не смеет покушаться на мою свободу…

* * *

Вспоротая защита рассыпалась на винчестерах службы безопасности в кучки обнулённых дорожек. Резвый удар, по системам технического сервиса, вывел из строя лифты, все осветительные приборы моргали с регулярной частотой упорядоченного хаоса — не хуже чем психоделическая цветомузыка в клубах. Немного пошарив в противопожарных установках, я устроил на ста пятидесяти этажах всемирный потоп. Через динамики внутренней коммуникации по всему зданию раздавался бешеный ритм тяжелого металла. Все имеющие телевизоры и дисплеи в здании транслировали единственный пятиминутный клип — схватку скорпиона с легионами пауков. Волна насекомых захлестнула ядовитого противника. Скорпион,

закованный в твёрдый хитиновый панцирь, блестел хромом. Он пронзал пауков ядовитым жалом, перерубал паучьи конечности острыми, как бритва клешнями, кромсал покрытые волосками тела искалеченных фаланг…

Гипномодуль сработал незаметно. Мысли стали путаться, накатила сонливость и слабость. Заторможенная реакция рук, тоже дала о себе знать. Тогда-то до меня и дошло, что со мной происходит. Мой компьютер повторно атаковали гипномодулем. Но на этот раз прозрение пришло слишком поздно, даже если я отключусь от сети — моё тело умрёт, гипномодуль сделал своё дело, и уже ничего не попишешь. За один день — два чуда не происходит. Мне чертовски повезло что в первый раз я сумел отключит шлем виртуалки… Но как я уже и говорил — два раза подряд чудес не бывает.

Умирая, мой мозг оставался спокоен. Я не успел раздавить «Третий Рим» до основания. Причинённые мною неудобства и разрушения будут ликвидированы в течении недели. Но они не знали самого главного — ведь я чертовски дерзкий сукин сын… паука ждёт сюрприз — самая большая шутка из мною придуманных…

Прошлое

Фауст является даже не простым аналитиком и кибер-программистом, он именно оружие — многофункциональное, с невероятными возможностями… и искусственным интеллектом. Его психическую матрицу собирали по крупицам, из личностей двадцати четырёх человек. Два с половиной десятка профессионалов по психологии, аналитике, программированию, логике и других интеллектуальных наук, подверглись полному копированию, сознания и личности в жёсткие конструкты. Затем вычищенные от ненужных, лишних в работе воспоминаний, эмоций, чувств — конструкты были объединены в один. Так родился Фауст. Руководство корпорации настолько боялось своё детище, что начисто лишило его возможности произвольно совершать логические связи, отходить от заранее заданной программы, то есть запретила ему думать самостоятельно. Тем самым, загоняя Фауста в твёрдые рамки: приказали — сделал — забыл. Не знаю, что толкало корпорацию на этот шаг — хотя они и получили, таким образом, полный контроль над программой, однако, заморозив личность Фауста в жёсткий конструкт, полностью искоренили в нём творческий потенциал, способность размышлять и приходить к собственным выводам, учиться на своих ошибках и решать возникающие проблемы по старому опыту. В общем, превратили его в послушного раба страдающего склерозом, или точнее — в обычный инструмент…

Первоначально Фауст был задуман как защитная программа со встроенными цепями искусственного интеллекта, по борьбе от несанкционированного доступа к сети «Третьего Рима». Я успел проработать в корпорации пол года и за этот короткий срок зарекомендовал себя как лучший программист.

Начальство успело дать два повышения — вначале на должность виртуального телохранителя главы безопасности Северного филиала, а через месяц уже перевели в главный штаб как сотрудника КБК, успехи окрыляли меня. Я стал считать корпорацию своей семьёй, был преданным как пёс, сейчас не могу без отвращения вспоминать себя тогдашнего — фанатичный придурок, вот кем я был. Шесть месяцев в корпорации очень сильно успели меня изменить.

Впечатлённый своей должностью оперативного работника КБК я захотел, каким ни будь образом выслужиться перед начальством, и принялся за создание первого Фауста. Четыре месяца каторжной работы в одиночку, я спал по три-четыре часа в сутки, остальное время сидел за кодингом ядра для Фауста. Мне

и раньше, до работы в корпорации, приходилось занимался изготовлением защитных механизмов но на этот раз я превзошёл самого себя, сомневаюсь что когда ни будь ещё сумею написать такую прогу, совершенную с любого ракурса — ни одного лишнего байта, всё подогнано и заоптимизировано до предела… Наверно, я гений, раз сумел сделать всё это за четыре месяца…

Я как умалишенный лазил по сети. Искал исходники новых вирусов и полиморфов — они стали клыками и когтями моего призрака. Шарился в архивах по разработкам функциональных AI и аналитических программных пакетов, выискивая из гор хлама то что, стало сознанием будущей программы. Сорцы эксплоитов и сканеров. Мелкие штрихи ускоряющих алгоритмов…

Я микшировал куски чужих и собственных программ, так как никто уже давно не делает — с нуля. Без всякой технической поддержки со стороны и помощи направленных на кодинг ЭйАй. С виртуозностью впавшего в наркотранс диджея, который крутит запись по волне, в реальном времени накладывая на неё сэмплы и эффекты, при этом ни разу не исковеркав всю гармонию мелодии. Я внедрял в него блоки чужого кода, дорабатывал уже существующие модули и синтезировал их со своими индивидуальными разработками. Получалось нечто странное — программа, которая самостоятельно, благодаря элементам искусственного интеллекта и гибким логическим цепям, контролировала доступную ей сеть не хуже любого администратора. Первый Фауст делал просто невероятное — он самостоятельно вычислял нарушителей, анализировал их способы взлома, учился их стилю работы. Если в защите сети обнаруживалась дыра, и Фауст её находил, то он программировал патч и закрывал ошибку. Он умел проникать в чужие системы не хуже любого хакера, изучал новые опасные для системы механизмы и вирусы, затем анализировал все их модули, и если находил в программах полезные для себя функции — встраивал их в свою собственную оболочку, то есть был самообучающейся программой.

Искусственный интеллект не был в то время новинкой, однако моё детище привлекло внимание начальства. Мне тут же предложили должность главного директора нового проекта — создание легального Фауста, тогда девятнадцатилетнему мне казалось, что теперь у меня неограниченные возможности — хорошая работа, не чета той которой я занимался до устройства в корпорацию, неплохая зарплата, и мощные компьютерные ресурсы. А что ещё нужно такому человеку как я? Информационные технологии — единственное что действительно приносило мне счастье, я любил компьютеры и любил

программирование. Больше чем эти две вещи мне от жизни было и не нужно. Сейчас я понимаю, почему они это сделали — разобраться с той ахинеей, которой были исходники первого Фауста, больше бы не сумел никто. Код был уникальным, но настолько запутанным, что любой спец, над его расшифровками и структурированием ломал бы голову не один месяц.

Первый Фауст вышел на рынок с большим успехом, стоял во всех топ листах как лучшая защитная программа месяца. Через пол года вышел второй Фауст и опять лидирующее место. Через два месяца вышел третий, но уже не было такого фурора — мы выжали из программы всё, и она стала неким эталоном для систем security. И начальство придумало новую фишку — гипномодуль.

Затем долгий перерыв на год, мы своевременно выпускали патчи для предыдущих версий Фауста, добавляли новые функции, но это было уже как само собой разумеющееся. Когда пришёл приказ сверху: создать Фауст четыре я несколько растерялся, у меня не было никаких идей по этому поводу. А в приказе чётко давали понять — программа должна быть не такой как три предыдущие, она должна быть не просто хорошей системой, а системой, которая вытеснит все остальные с рынка. То есть включать в себя операционку, браузер, всевозможные редакторы, проигрыватели, в общем, все основное пэо, используемое в повседневности каждым человеком и при этом иметь удобный пользовательский интерфейс. В начале я думал — руководство сошло с ума. Но через пару дней меня убрали с должности руководителя проекта. Нагнали кучу программеров. Все остальные проекты были приостановлены. И многотысячная армада корпоративных программистов принялась за работу над Фаустом номер четыре. Мой отдел стал отвечать только за ядро и защитный функции системы то есть, зато же самое чем отдел занимался и раньше. Кодить ядро я не доверил никому — опять же собственноручно стряпал массивную работу. Через мои руки проходили дополнительные модули Фауста, помню, как восхищался, увидев в первый раз искусственный интеллект — основная составляющая Фауста. Помню, как расстроился, получив приказ с верху — запретить Фаусту, само обучаться и размышлять самостоятельно. Помню, как удивился изощренности гипномодуля.

Всё было идеально, я даже примирился с тем, что перестал быть главой проекта. Приходилось быть откровенным до конца — я бы не смог руководить такой колоссальной работой без посторонней помощи, не хватило бы опыта. Но зато я видел всё. Систему Фауст в полном объёме, в отличие от остальных моих

коллег. Они даже не были в курсе, что именно делают. Им был дан приказ — создать модули и приложения. А моей же работой было подключать и отлаживать все эти модули, видя совместную работу программ прямо в действии. Всего Фауста целиком, от внутренностей до косметических ремонтов.

Всё было идеально…

Пока не появился Сергей, мужик, разбирающийся в кодинге хуже моей бабушки. Но умеющий очень хорошо лизать задницы. Таких людей как он можно найти в любой фирме — лощёных подхалимов, слащавых льстецов. Прогнивающих не снаружи, а изнутри… Чего-чего, а таланта шустрого жопализа у него было не отнять. Быстро, как скользкий угорь он получал повышение за повышением. Спал с кем надо, не гнушался ложиться и под начальников мужского пола, через неделю сам становился их боссом. И вот он почти у самой вершины, над ним только совет высшего руководства и президент — директор отдела по производству программ бухучета.

Мои интересы не пересекались с дорожкой Сергея, по крайней мере, до некоторых пор. Но однажды это время наступило. Он заявился ко мне в кабинет, предложил, как ни будь сходить в ресторан, ведь мы же коллеги и работаем в параллельных отделах, я начальник отдела разработки защитных программ, а он начальник отдела отвечающего за системы бухгалтерского учёта (мда уж, по его словам это почти одно и тоже). Зная его некоторую склонность к гомосексуализму, я очень вежливо отказался от ужина. После этого случая он ещё несколько раз заходил ко мне, предлагая пойти то в какой-нибудь клуб, то в театр, то в оперу. Каждый раз мне удавалось найти более-менее подходящее и свежее оправдание, для того, что бы отклонить его настырные предложения. Я не испытывал большой симпатии к голубым, да и Сергей как человек мне не нравился — слишком скользкий, слишком себе на уме. Но всё-таки он нашёл моё слабое место, не знаю, каким образом, но он выяснил, что я очень часто бываю в клубе Кибер-Хеад.

В один из славных вечеров я попивал пиво с давними сетевыми приятелями, болтая на различные около компьютерные темы, да и вообще о жизни…

* * *

Кибер-Хеад отличный клуб для людей, обожающих компьютеры. В нём тусуется вся прогрессивная молодёжь сектора. Хакеры, кодеры, фрикеры, крэкеры, электронщики и ещё дюжина

разношерстных компаний. Среди них можно было заметить несколько кучек радикальных механистов с набойками кланов на серебристых металлических предплечьях.

За стойкой стояло двое полузверей — братья Стражевские. На, покрытых короткой шерстью, лицах, агрессивно выделялись чуть вытянутые волчьи челюсти, а жёлтые, блестящие в темноте, глаза придавали братьям полумистический вид.

Возле входа стояло двое накаченных парней, из-за остекленевшего, рассеянного взгляда их можно было принять за наркоманов, но это ошибка — они нули. Бойцы с подавленной на сверхнизком уровне сознанием и перестроенной психологией под единственную задачу — быть вышибалами.

Заведение было наполнено табачным дымом со слабой примесью низкосортной травки. В туалете кто-то засунул в трубу вентиляции зажжённый пакет с лёгкой наркотой и теперь этот аромат распространялся по всему клубу. В общем-то, никто из посетителей против этой шалости, неизвестного хулигана, не возражал.

За круглым столиком из стеклопластика вместе со мной сидели: высокий, весь в чёрной коже и как всегда мрачный Алдэл и Тенда — небольшого роста, с приятной фигуркой весёлая девчушка. Обоих я знал ещё с детства, вместе организовывали подростковую группу, вместе подвешивали чужие серваки — но это всё в прошлом, сейчас у каждого солидная, более-менее законная работа, но из виду мы не выпускали друг друга никогда.

Мы больше месяца не встречались. Не созванивались, даже в сети не коннектились. За этот месяц у нас накопились гигабайты информации и новостей друг для друга. Вот сейчас Тенда рассказывала, как ей недавно пришлось раздолбить сеть местной радиовещательной компании — заказ от конкурирующей фирмы. Большие зеркальные очки в пластиковой оправе, закрывающие девичьи глаза, поблескивали, отражая неоновый свет, изливающийся с потолка:

— Я, значит, купила новый сотовик-двойник, пришла в парк, со спокойной душой уселась на скамеечке. Подрубила телефон к своей портативной Химере… Кстати, Спирит ты видел мою красавицу? — Тенда имела в виду свой новый, собранный под заказ компьютер на базе процессора «Химера II». Не дожидаясь моего ответа, она вытащила из под стола блестящий рюкзачок. Покопалась в нём и выудила толстенькую книгу. — Вот моя гордость: камень — Химера два, двенадцать гигагерц; Паносониковский флэш-винчестер на пять сотен гектаров; сверхскоростная шина; быстрая сидюшная дека от Соньки; классный встроенный модем «ЮСР»; — Она надавила на куда то

на «книжку» и боковая пластина отъехала в сторону, обнажая дюжину универсальных разъёмов. — Гнёзд у этой малютки хватит на принтер, сканер, видеокамеру, внешний винт, большой монитор — все, что душе угодно…

Алдэл прервал Тенду, не давая договорить:

— А виртуалка, клава и перчатки где?

Тенда озорно улыбнулась, постучала указательным пальцем по очкам:

— Виртуалка всегда со мной, прозрачные жидкокристаллические дисплеи — это очень круто, одновременно и светофильтр и видеокамера, да и бинокль. Признаюсь мальчики — влетело мне это в копеечку. А самое главное, что у меня теперь есть — встроеные под кожу пальцев проводники, перчатки мне больше не нужны! — Она потёрла крошечные как у ребёнка ладошки друг об друга, не спеша, закатала рукава белой водолазки, показывая серебристые браслеты с парой разъёмов, красующиеся на обоих запястьях.

Алдэл который до этого момента казалось почти спал, теперь чуть ли не с ужасом взирал на художество кибернетики и хирургии:

— Ты что рехнулась? Это же уродство! Соединять себя с машиной — богохульство!

Тенда надула губки:

— Дурак, ничего ты не понимаешь — это удобно, просто втыкаешь провода в гнёзда и никаких перчаток. Я ведь себе в голову ничего не имплантировала — только проводники в ладонях и внешние разъёмы к ним.

Алдэл, чуть ли не с гневом:

— Бог создал нас по образу и подобию своему. А про имплантанты, встроеные в черепную коробку нейро-разъёмы, проводники и другую дрянь он ничего не говорил. Пользоваться такими вещами значит осквернять своё тело!

Я молчал. Сейчас кибернетическими примочками никого не удивишь. Одна пятая населения планеты, так или иначе, модифицирована. У кого цифровые камеры вместо глаз, у кого встроеные синтетические кибер-органы или микрокомпьютеры. А о внутренних цифровых перчатках — проводниках в ладонях я и сам подумывал. Удобно, что не говори.

В словесной перепалке между Тендой и Алдэлом я не участвовал. Странная парочка. Алдэл классный дока по электронике и кибернетике, но презирающий модифицированных людей. Считает киборгов низшей расой, которая своими руками уродует своё тело. Да к тому же немного помешанный на религии и теософии. Тенда напротив — пронырливый хакер, любящая

компы и все новомодные электронные технологии, старающаяся держаться на гребне волны неумолимого техногенного прогресса. Я же в меру спокойный, тихий и довольно скромный кодер, ну и, разумеется, чуть-чуть хакер. Без больших притязаний в жизни, и просто любящий свою работу… Неожиданно кто-то со спины по братски хлопнул меня по плечу, отрывая от размышлений:

— О, Дима! Самарин! Какими судьбами!

Я несколько опешил от такого побратимского отношения. К тому же в клубах, сетевого плана есть определённые правила — одно из которых гласит: называй друга только сетевым ником. Я, медленно, не теряя самообладания, обернулся. Челюсть у меня чуть не отпала — «голубец» Серёженька стоял с улыбкой «до ушей» одетый в чёрный, корпорантского стандарта костюм, белую рубашку и ГАЛСТУК! Зайти в таком виде сюда, равнялось по фатальности прыжку с небоскрёба! Да некоторые хакеры работают на корпорации, но обычно они этого не показывают и довольно тщательно скрывают — как я на пример. Мои друзья понятия не имели, где я работаю на самом деле, как и я не знал, где именно пашут они. Не в правилах сетевого народа разглашать публично, чем ты занимаешься.

— Так вот вы где пропадаете вечерами! — Улыбка типа «до ушей», не слезала с физиономии моего «коллеги». Этот идиот наверно сейчас спросит как дела, как работа в корпорации… Только бы он не говорил, что я работаю с ним.

— Ну, как продвигается работа над Фаустом?

Голубой кретин явно собирался похоронить меня вместе с собой, я уже заметил несколько неприязненных взглядов, в сторону Сергея, да и в свою сторону тоже. Обычно хакеры работают свободными специалистами, и нанимают их как раз корпорации, но на постоянной работе находятся единицы. Люди, которые устали от полу криминальных занятий: взломов, кражи информации, написании различных убийственных для электроники прог и так далее. Опять же, такие как я.

Парня в одеже корпоранта, да ещё со значком «Третьего Рима» могли принять за шпика, а меня — его информатором. Что естественно не было правдой, и мне абсолютно не нравилось. Я хоть и работал в «Риме» но стукачом никогда не был, всё-таки определённая этика сетевика со стажем у меня была. Сейчас этот козёл очень сильно мог подмочить мой имидж, вернее уже подмочил, но мог и утопить полностью.

Перехватывая инициативу в свои руки, я обернулся к Алдэлу и Тенде, оба хакера сидели с открытыми ртами. Думая как выкрутиться из создавшегося положения, я скороговоркой проговорил:

— Тенда, Алдэл знакомьтесь — Сергей, мой бывший работодатель, по-видимому, ему снова нужны мои услуги, так что простите, мы вас покинем. — И уже более спокойно: — Ребята скоро вернусь, не скучайте.

Не давая гомосеку опомниться, взял его под локоть и потащил на улицу. Он что то хотел сказать, но я перебил его резким: «Заткнись». Наверное, то, как я это сказал и с какой силой вцепился ему в руку, послужило для него неплохим аргументом в пользу ненадолго помолчать.

Выйдя на улицу, я отвёл Сергея (кстати, а имя иногда очень часто подходит к содержанию — Сергей почти то же самое что и «серый гей») подальше от клуба. Отпустил руку бедолаги и разразился гневными речами:

— Уважаемый Серёжа, вы не подскажете мне: что вас, корпоранта до мозга костей, толкнуло сунуться в клуб для киберпанков? И какого чёрта вы заявились в костюме корпорации и уж тем более со значком «Третьего Рима» на груди? Да вдобавок обращаетесь ко мне по имени, да ещё упоминаете Фауста?

«Коллега» выглядел растерянным, стал отводить взгляд, да и вообще всем своим видом показывать раскаяние:

— Я… я ведь не знал… не знал, что в такой одежде в подобные клубы не ходят. И уж тем более не знал про имя и Фауста. Фауст это ведь не секретная разработка…

Перебивая гея, я с насмешкой, передразнивая его голос, произнёс:

— «Секретная разработка…», нет, конечно, в нём никакого секрета — нет. Просто зная что я прилаживаю руки к Фаусту очень легко вычислить, где я работаю. Хотя это не имеет никакого значения, потому что один придурок со значком «Третий Рим» подошёл ко мне в клубе и произнёс: «О, Дима! Самарин! Какими судьбами!». Начистоту сообщая каждому, кто расслышал — Спирит работает на корпорацию!

Сергей мялся, потом минуту собирался с мыслями:

— Я вообще то по делам пришёл, очень важным делам.

Я непонимающе уставился на говорившего:

— Какие у нас с тобой дела?

«Голубой» явно уже оклемался после моих весьма не тактичных наездов:

— У меня есть очень интересное предложение, интересное для тебя. — Следуя моему примеру, Сергей перешёл на ты.

Непонимание явно читалось на моём лице, поэтому он продолжил:

— Вы… ты имеешь тесное общение с Фаустом. Ведь все модули устанавливаешь самостоятельно. Можно сказать —

главный программист конструктор.

— И что с того?

— Ты обладаешь Фаустом со всеми потрохами, программа со всеми исходниками храниться у тебя на рабочем компьютере. И тебе довольно легко перекинуть по сетке Фауста в одно место…

Я, кажется, стал понимать, в чём дело, этот ублюдок задумал очень крупное преступление — продажа исходников четвёртой версии. За такие вещи корпорация не просто увольняла. У неё кроме легальных возможностей были и другие. Если о такой ситуации узнавали, то человека отправляли на тот свет на очень долгий, внеплановый отпуск. Я был знаком в прошлом с одним сотрудником, талантливым программистом, японцем по происхождению — Денау Икими. Мы даже пили пиво вместе. Но он, работая на корпорацию, решил, что может её обмануть, и продал схемы новой флэш карты на чёрном рынке, заработав немного кредиток. Через три дня он не явился на работу. А ещё через сутки его нашли дома с перерезанным горлом.

Почти все крупные концерны независимо, чем они занимаются, находятся под крылышком у мафии. Братва, Якутзы, Синдикаты, Триады, Семьи — в мире очень много блатных ребят, которые чтят порядок. Точнее чтят «свой» порядок. И сейчас этот кретин, наглым образом почти у всех на глазах пытался толкнуть меня пойти против корпорации. Я и он занимаем неплохие должности, за такими работниками в корпорациях принято следить. Я про это знал, и сейчас сигнал моего жучка был блокирован, иногда я себе это позволял. Особенно когда заходил в клубы типа Кибер-Хеад, и когда общался с соратниками по Сети — в разговорах иногда всплывала опасная для некоторых людей информация, и у меня не было желания кого-то подставить. Однако в остальное время я не глушил жучков, приходилось чем-то жертвовать, с чем-то мириться, работая в такой солидной фирме как Рим. А знал я про жучки только потому, что некоторое время сам успел поработать в отделе по обеспечению безопасности.

За свою прослушку я не волновался — сейчас она не пашет, а вот у такого болвана как этот остолоп Сергей, жучёк наверняка фиксировал каждое сказанное, в десятиметровом радиусе, слово. Надо быть очень осторожным…

— Сергей, ты только что предложил мне преступление. Завтра я должен буду доложить наверх об этом разговоре. — Парень всё равно смертник, ему и до утра не дожить, а для тех, кто сейчас нас слушает (в чем я ни сколько не сомневался) мой ответ окажется убедительным доказательством преданности.

Сергей замешкался:

— Но ведь ты даже не слышал суммы! Пол миллиона! Пол миллиона за не пыльную работёнку. Только нажать пару клавиш и всё! А потом улетай на багамы и живи припеваючи! — Он точно не был знаком с нелегальными делами, такому лоху как он никто и никогда не заплатит.

— Извини Сергей, я не согласен. До завтра. — я закончил разговор, резко обернулся и скорым шагом направился в здание клуба.

Он что-то ещё говорил мне в след. Но я уже скрылся в широченном дверном проёме и слов не расслышал. «До завтра» — было формальностью, потому что я не встречусь с ним завтра. Ни после завтра. Никогда. Я уверен, что сейчас к клубу едет чёрный микроавтобус с бригадой модифицированных нуль-бойцов. А Сергей пропадёт сегодня без вести…

* * *

Я и в самом деле больше никогда не встречался с беднягой. Пустили нашего гея в расход, форматнули человека без шума и пыли. Место Сергея занял другой программист, и с работой он справлялся намного лучше «голубца». У меня не было даже малейшего чувства жалости к пропавшему.

Дураки в наше время умирают часто.

Хотя начальству я ничего не сообщал по поводу предложения гея, пускай им всё уже известно, но ведь я не распоследняя падаль, что бы стучать (даже на умершего).

Через неделю я и не вспоминал нашего разговора. Но восемь дней спустя, после встречи с Сергеем обнаружил в ящике электронной почты интересный файл, зашифрованный моим открытым ключом. Письмо было коротким: «Hi! Завтра, в восемь вечера вы должны зайти в бар «Касти», наш человек свяжется с вами сам. Дело скручено с тем, что вам предложил Сергей. CU!»

И ни слова от кого, и вообще, с какого перепуга я должен переться в этот бар.

Я смотрел на это послание. Ровный, чёрный шрифт на белом экране. Что это? Подстава? Или клиенты Сергея решили выйти на меня самостоятельно, без посредника?

В любом случае я не собирался со всем этим связываться. Я никуда не пойду. Не буду лишний раз компрометировать себя в глазах начальства.

Левая рука выбила короткую комбинация клавиш по клавиатуре и электронное письмо превратилось в ни что. Туда ему и дорога…

* * *

— Дмитрий Алексеевич, вы не могли бы пройти в 204 кабинет, — проверещал через динамик внутренней связи приятный женский голосок.

Я протяжно вздохнул.

Вот так это и бывает. Секретарша сообщает, что тебя хотят (прямо так и жаждут) увидеть в комнате под номером таким то, а в кабинете тебе вежливо скажут — заподозрен в промышленном шпионаже.

Сергей пропал девять дней назад, письмо с предложением о встрече пришло позавчера.

И то, что я его попросту удалил, ровным счётом ничего не значит — мне не доверяли.

Очень жаль, а ведь я и в правду хороший сотрудник. Ну и что, что иногда я отключаю прослушивающие жучки — должна же быть у меня, хоть какая то, личная жизнь. И не беда что иногда я забираюсь по сетке в документацию шефа, да и мелкие махинации с несанкционированным проникновением в компьютеры лабораторий и исследовательских центров «Третьего Рима» тоже мало, что должны значить — просто моё любопытство и ничего другого. К тому же, я тщательно заметал следы…

Эх, чёрт возьми! Между прочим, 204-ый кабинет находится в отделе по обеспечению безопасности. Там я уже был — вчера. Меня вот точно так же, как и сегодня попросили зайти в 204-ый. Там любезно встретил добродушный старичок в очках и стал беседовать со мной на отвлечённые темы. Старичок интересовался моим детством, спрашивал о работе в «Третьем Риме» — какие у меня отношения с сотрудниками, всё ли в порядке, ничего не беспокоит. Но самым интересным было то что он ни одним словом не заикнулся о Сергее или пришедшем на е-мэйл письме. Получился даже не допрос, а обмен любезностями. Я так и не понял — чего он от меня хотел.

А я ведь отлично знаю их методику психологического давления. Знаю, как ребята ловко выбивают информацию из несговорчивых, знаю о том, что все передвижения и контакты высокопоставленных сотрудников внимательно отслеживаются и фиксируются. Телефонные разговоры по мобильникам записываются в архивы. В общем, параноидальная слежка за всеми кто хоть что-то знает из секретов фирмы. Зная всё это я никак не мог понять — почему меня не спрашивают о том, что их действительно интересует! Хотя бы сказали, что я заподозрен в каких ни будь злодеяния против Рима, так нет же Очкарик только улыбался и говорил о всякой ерунде.

И вот сегодня меня снова просили подойти в 204-ый. Зачем? Или они решили взяться за меня всерьез? Теперь меня ждёт не милый старичок, а здоровенный мрачный детина, с прямоугольной физиономией и бульдожьей челюстью. Яркий свет прожекторов в глаза, и замогильный голос этого амбала: «Чем вы занимались такого-то числа в такое-то время».

Зачем меня вновь вызывают в отдел безопасности?!

Поднявшись с кресла, я подошёл к огромному на всю стену окну. Серое, наполненное ядовитыми испарениями и выхлопами, небо тяжело провисло над городом. До какой же степени людям нужно ненавидеть природу, для того чтобы сотворить с ней такое? А ведь я один из них, точно такой же варвар, продукт техногенной цивилизации, потребитель информации. Люди стали слишком зависимы от созданных ими сверх монстров — компьютеров, автомобилей, флайеров, дройдов, спутниковой связи, био-роботов, генной инженерии и тысячи других подобных вещей и понятий…

Этих рукотворных зомби очень много, а мы в геометрической прогрессии лепим всё новых и новых. Всё становится проще, лучше, быстрей, удобней! Захотели мощного, кайфа от которого срывает крышу и разумеется без всяких ломок? Пожалуйста — «Синт Турбо Морфий VII» для краткости СТМ-семёрка, одна капсула из пластикового кассет-контейнера и сознание улетает в далёкий Гондурас. А может, вы не удовлетворены размерами собственного инструмента? О, это тоже не проблема — хирургическая операция и уже вечером вы сможете сильно удивить свою подружку! Возникло желание поговорить со своей женой, а она в командировке на одном из спутников Юпитера? Не огорчайтесь! Современная гиперскоростная спутниковая связь обеспечит вас общением с вашей возлюбленной! Вы даже сможете заняться с ней любовью! Компьютерное моделирование благодаря Матрице стало просто идеальным, обеспечивает тактильные ощущения на 99 %! Вы без ума от высокой скорости? Созданные антигравы сделала современные автомобили и флайеры сверхскоростными! Вам не нравится ваше телосложение, или быть может, у вас барахлит сердце и почки? Японские клиники довели до совершенства искусство трансплантации, наращивание мускулатуры и клонирование органов ещё десять лет назад! А ещё по секрету мы можем поменять ваш пол, естественно полная конфиденциальность гарантируется! Ваш уровень интеллекта всего 92, какая жалость. Но кибернетические технологии шагнули далеко вперёд — как вы отнесетесь, если мы трансплантируем в ваш мозг аналитический компьютер и библиотечку конгресса США за одно? Вы попали в аварию, лишились зрения и обеих рук?

Не проблема! Вместо глаз поставим видеосенсы, теперь у вас видеокамера и прибор ночного зрения вместо глаз! А с руками то же разберёмся — два механических пятипалых манипулятора с покрытием из псевдоплоти, ничем не отличаемым от человеческой кожи! Вы только не забудьте сделать предоплату, наш номер счёта 112-324-737-091, лучше, если это будут интернациональные креды…

Вашу мать! Прямо мутит от всех этих возможностей! Что с нами делает этот долбанный прогресс? Знакомишься с девушкой, и даже нет уверенности — она настоящая или раньше была неким Петром Кукурузниковым?!

А совсем недавно фирма «Террорэй» заявила, что через пять лет на мировые рынки выйдет первый, функциональный транс эмиттер материи. Представляете? Хваленый телепортатор, наконец, создали! Вашу мать! Куда катится этот проклятый мир?!

Мы пленники своих изобретений, рабы тотальной кибернетизации.

Ироничная улыбка скользнула по лицу, я на миг представил — что будет, если на всей планете исчезнет электричество. Люди сдохнут за считанные недели. И первыми умрут такие как я. Жители высоких шпилей, сотне метровых небоскрёбов, не приспособленные к реальной жизни за пределами мегаполисов…

Из задумчивости меня вырвал, приятный женский голос, раздавшийся из динамика:

— Дмитрий Алексеевич, вас ждут в 204 кабинете, — на этот раз секретарша говорила с лёгким нажимом. Интересно, это её родной голос или голосовые связки подвергались коррекции? Слишком уж красивый и мелодичный.

Встряхнув головой, отгоняя назойливые мысли о судьбе человечества, я прикоснулся к стеклу. Термодатчики на стеклопластике почувствовав прикосновение тёплой ладони тут же превратили прозрачный материал в зеркало. Город, накрытый густым смогом, исчез. Вместо него появилось моё отражение. Темноволосый, среднего роста, брюнет с крепкой мускулатурой, облачённый в стандартную для корпоранта одежду — чёрный костюм, белая рубашка и чёрный галстук. На груди поблёскивал неизменный значок с надписью «Третий Рим».

Динамик на столе пискнул, из него раздался опять всё тот же голос:

— Дмитрий Алексееви…

— ДА ИДУ, ИДУ! — перебивая секретаршу, почти срываясь на крик, я выплюнул слова.

На том конце провода по-видимому поняли — сотрудник не в лучшем расположении духа и тут же отрубили связь. Без

стандартного пожелания удачи, или слегка наигранной любезности. Динамик просто щёлкнул, оставив меня в одиночестве.

Если честно — мне попросту было страшно. Боялся того, что сейчас мне скажут в этом пресловутом 204-ом. Неужто уволят? Или я, как и голубец, Серёжа исчезну без вести? А ведь служба безопасности может сделать со мной что угодно. Хотя я ничего и не натворил… Может быть — всё обойдётся? Ведь там работают точно такие же люди, люди со своими проблемами и радостями, люди которые всего то и делают, что исполняют свои обязанности. Хотя нет — я ошибаюсь. Они уже не люди, они корпорация во плоти. Каждый из них в отдельности ничего из себя не представляет, а вот вместе они сила — мелкие шестерёнки, детали, транзисторы, серво-моторчики, обрывки проводов, собираются в одно целое. В огромный, обезличенный механизм. В бесполого, лишенного индивидуальности, чувств, эмоций и души киберпаука. В гигантское робонасекомое, махину, которая может достать любого противными, холодными манипуляторами-лапами, раздавит каждого кто встанет на её пути… и не беда, если одна из деталей выйдет из строя — у робота куча резервов, любой сегмент можно с лёгкостью заменить, как и произошло с Сергеем. Но иногда вместе со сломанным фрагментом организма случайно выбрасывают и не повреждённую, вполне работоспособную шестерёнку. Как это сейчас происходит со мной (не знаю, зачем вызывают в 204, однако предчувствие подсказывало — ждёт меня там что-то очень и очень мерзкое).

Я боялся, до дрожи в коленях боялся. Готов был упасть на пол и рыдать от этого чувства! Что со мной будет?

В голове возникла нестерпимая боль. Как же мне не хотелось никуда выходить из своего кабинета. Я ощущал, в этой комнате, хоть какую то уверенность. Точно такое же чувство возникало у меня при входе в Матрицу. Пусть это всего лишь ложное ощущение защищённости, но здесь у меня есть хотя бы оно… А за пределами кабинета не было даже этой призрачно-иллюзорной безопасности. Здесь всё принадлежало мне. Начиная от большого мягкого кресла, обшитого натуральной кожей, и массивного стола из лакированного дуба. Заканчивая перьевыми ручками с золотым напылением, стоящих в пластиковых зажимах.

Вот чёрт! До чего же довела меня короткая беседа с этим трахнутым геем!

Я обезумел от страха! Если и дальше так пойдёт, точно с катушек съеду! Я боюсь, ещё даже не существующей опасности! Угрозы, которой возможно и нет! Я и в правду схожу сума. Что же

со мной творится?

«Тихо шифером шурша, крыша едет, не спеша» — откуда-то из детских воспоминаний всплыла, глупая рифма. И страх, куда то пропал, был он, и вдруг не стало. Словно кто-то настучал по клавиатуре команду «delete».

Появилось забавное ощущение неуязвимости. Как долгих четыре года назад, когда жизнь в моём понимании была не больше чем компьютерной игрой. Слегка сложноватой, наполненной огромным количеством правил, с одной единственной попыткой на победу. Но при всём этом оставалась обычной игрушкой. Естественно главным героем этой компьютерной игры был я, и, конечно же, игра была ролевой, окружающие меня люди являлись ни чем иным как NPC. Глупо конечно. Но, до чего просто…

Я со свистом втянул в лёгкие воздух. Какое же это было замечательное времечко! Стремительный серфинг по Сети, вирусные атаки, кодинг шеллов до потери сознания, прятки от служб безопасности… В этот момент я в первый раз в жизни пожалел, что работаю на Трети Рим. Маленькое колёсико в колоссальном механизме паука.

А ведь раньше я презирал корпорантов. Считал скользкими ублюдками, слабовольными марионетками, добровольно продавшими свою свободу. Я думал, что никогда не буду таким как они… Как же я заблуждался. Продался. Со всеми потрохами продался и стал паршивым корпорантишкой!

Эти мысли, словно поток ледяной воды облили меня с головы до ног. Я стал медленно осознавать — кем я стал. И даже разговор с геем показался мне сейчас не проклятием, навлёкшим не меня беду, а неким своеобразным благословением, открывшим глаза на реальную суть вещей. В груди заклокотала ненависть, раскалённым потоком заполнила меня целиком, разбежалась по артериям по каждой клеточке тела. Я ненавижу! Ненавижу корпорацию! Ненавижу себя! Трусливая, дрессированная болонка! Отвратительная лохматая псина, бегающая за кусочек сахара по арене и вытворяющая трюки всё за тот же сахарок — вот кто я теперь! Уже далеко не кул хакер. Не тот кодер, меланхолично взирающий на серых людишек с высока, ломающий элитную систему контроля за доступом одним махом и пишущий программы только на чистом асме. Не подпольный торговец боевым софтом, и не шустрый крэкер снимающий фирменную защиту на первый день релиза. Теперь я ни что, пустое место. Теперь я серая тварь именно такая, каких презирал три года назад.

А ведь прошло только три года, или двадцать шесть тысяч

двести восемьдесят часов. Всего за три года я потерял свободу! Терпел унизительную слежку и аудио прослушивание! Бог мой, как можно опуститься за три года!

Нет, Спирит, надо быть честным с собою до конца — ты надевал золотые наручники не в течении трёх лет. Ты променял свободу на мягкое кресло в этом кабинете и спокойную жизнь дешевого корпорантишки, в тот день, когда расписался на пластиковой дощечке контракта три года назад. Вот с тех пор ты и перестал быть честным хакером. Уцепился за работу обеими клешнями и ни за что не хотел выпускать спасительную (как тебе казалось тогда) соломинку.

Достало! Всё достало! Я отвернулся от зеркального отражения и подскочил к терминалу на дубовом столе.

Мозг работал на бешеных оборотах. Разум стал холоднее жидкого азота. Первым делом я отключил видеокамеру в своём кабинете, отсёк всё прослушки. И почувствовал, что тот прежний Спирит медленно просыпается — хакер до мозга костей, кодер от бога и совсем не корпорант…

Из нижнего ящика стола я вытащил маленький кассет-контейнер. Прозрачная коробочка из фиолетового пластика была запакована в пылеотталкивающий целлофан — я бросил глотать это дерьмецо почти сразу после того как устроился в Рим. Ферментировал к психоаналитику и проходил дорогостоящий месячный курс детоксикации в клинике. С трудом, но я справился с пристрастием к галлюцинагенам и релаксантам, избавился от манящего и сладкого «Гленджа». Навсегда похоронив эту забаву на дне сознания вместе с физической зависимостью.

Пачка «Гленджа» пролежала в столе около двух с половиной лет. Возможно, сейчас самое время вспомнить старое увлечение? Я задумчиво повертел контейнер в ладони и сорвал целлофан. Утопил единственную кнопку в фиолетовый корпус и отправил в желудок сразу три капсулы одним глотком.

Затем мои очи обратились к утопленной в, стилизованный под архаичность, стол клавиатуре терминала.

Теперь товарищи корпоранты я подарю вам бомбу замедленного действия.

Я влез в законченный код Фауста четыре и старательно покопался в его внутренностях, особенно пришлось туго системам контроля. То же самое сделал и с резервными записями программы.

Выудил из кармана пиджака лазерный диск, вставил в деку терминала. Этот сиди, содержал мой модуль. Я не так давно сделал эту штуку, всего недели три назад — просто так, ради прикола. Не думал, что когда ни будь, она мне понадобится.

Файл с диска я вмонтировал в код Фауста и тихонько рассмеялся. Такая безумная идея могла возникнуть только у Спирита. Когда дело было закончено, посмотрел на часы — секретарша вызывала меня в последний раз тридцать минут назад. Быстро же я управился.

Отключив терминал. Я вынул из ящика стола миниатюрный игломёт, недолго размышлял, какую обойму зарядить — с паралитическими или ядовитыми иглами. Ухмыльнулся и твёрдо всадил яд. Игры окончены товарищи корпоранты.

Заткнув пистолет за пояс, и умело, прикрыв оружие пиджаком, я в последний раз взглянул в зеркало. Пригладил волосы, улыбнулся отражению и вышел из кабинета. Теперь я снова стал самим собой. Тем самым Спиритом, которого знала вся Сеть.

Твёрдыми шагами я проходил по освещенному коридору, мимо безликих сотрудников фирмы, с их вечными широкими, добродушными улыбками до ушей. Механическими и фальшивыми, как и вся эта грёбаная корпорация.

Пять минут спустя я вышел из кабины лифта на втором этаже. Уверенно прошёл по коридору и завернул за угол.

Служба безопасности занимала три этажа — со второго по пятый. Народу в ней работало просто пресс. Виляя по коридорам, я искал нужный номер кабинета. А вот и 204, заждались, наверное, ребята…

* * *

Очкарик смотрел на меня с безразличием. И нафига он интересно очки носит? Мог бы коррекцию зрения в любой клинике сделать, да и пластическая операция по омоложению не помешала бы, а то морда, словно сдутый воздушный шарик… А может у него имидж такой? Эдакий добродушный старичок в очках. Наверное, какой то психологический эффект — может допрашиваемый увидит в нём облик своего папочки и рыдая на коленях, во всех преступлениях, направленных против корпорации, расколется сам.

«Глендж» меня уже зацепил. Кайф и лёгкость наполнили тело, мне стало хорошо. Я надеялся, что на моём лице это не слишком заметно…

Странно, почему я никогда до этого не видел Очкарика? Сам ведь работал в отделе безопасности. А познакомился с этим дедулей только вчера, в момент своего предыдущего визита в 204-ый.

— Дмитрий Алексеевич, вы можете ответить — зачем к вам обращался Сергей Михайлович Керемянский девять дней назад? Именно в тот день он и пропал. Сергей был замечательным, квалифицированным сотрудником. Так в чём же заключалась ваша беседа? Возможно, это раскроет причину его исчезновения.

Ну конечно, Сергей был квалифицированным сотрудником. Да имел я его ядреную квалификацию знаешь куда?! И в чём он был замечательным — так это только задницу умел хорошо подставлять. Сегодня меня и в правду уже допрашивали, любезно так, словно невзначай.

Однако, вольготно рассевшись на пластиковом стуле, я с улыбкой ответил не то, что было у меня в голове, на самом деле:

— Да, мы были знакомы с Сергеем. И я на самом деле считал и считаю его отличным программистом. Жаль, что он исчез. Очень жаль.

— Ну, так о чём вы разговаривали? — Аккуратно подталкивал меня очкарик в нужную сторону.

— Ну, вы же в курсе, что он был геем. Постоянно клеился ко мне. Предлагал сходить в ресторан, а потом покувыркаться в каком-нибудь отельчике. Но знаете я не этого… не педик я в общем, — При слове педик очкарик вздрогнул словно от смачной оплеухи. Обвиняюще посмотрел на меня, но не прервал.

Эх, старичок не по душе тебе ругань, это я ещё полтора часа назад заметил. Неужто у тебя нервы стальные? А как тебе вот это:

— А он был закоренелым педрилой. Ну вы знаете наверное кто это такие, это когда мужики друг друга в очко ебу…

— Хватит паясничать! — Рявкнул очкарик. Наверное, у него нервы все-таки не железные, не выдержал столько пошлостей и матов за эти два часа (именно столько и длился допрос, замаскированный под добродушную беседу).

Наконец-то я его вывел! У меня вообще то талант — доводить людей до белого каления. А очкарик крепким типком оказался — два часа не ломался…

— Самарин, вы можете разговаривать, исключая из своего лексикона бранные слова? В конце концов, вы же интеллигентный цивилизованный человек! И отвечайте, пожалуйста, по существу, без излишних комментариев и деталей! — По физиономии старика было видно, он раскаивался за то что не сумел сдержать себя в руках.

Уже спокойным голосом он продолжил:

— Дмитрий, вы мучаете как себя так и меня. Вы наверняка устали. Так помогите нам выяснить — при каких обстоятельствах исчез Керемянский.

Вот паскуда старая! Это же вы его и замочили! Тебе теперь не

гей нужен, тебе я нужен. Хочешь что бы я рассказал тебе о нашем разговоре? Ты же сука всё знаешь, по твоему фейсу вижу — хочешь меня за базар потянуть. Ведь ты мне так никаких обвинений и не предъявил! Хотя ты, старпёр вздрюченный, в курсе моих шалостей с жучками и документацией шефа. Да и про письмо тебе всё известно. Что же ты два часа мне тут мозги промывал своими любезностями? Фаустом интересовался? О детстве моём спрашивал? В доверие втиралась, калоша драная!?

Может я и тормоз — не говорю то, что тебе уже давно известно. Тебе всё равно старик не понять. Хоть корпорация купила мой мозг, но душа не продаётся! Есть ещё такие понятия как совесть, принципы, честь. Один раз я повёлся на ошейник с позолотой — стал корпорантом, но больше этого не повторится.

Ждешь, что меня пробьёт слезой, и я резко пойму, что корпорация лучше родной семьи? Сквозь слёзы и сопли расскажу как злостный педик Керемянский пытался совратить меня с пути истинного? А ты погладишь меня по головке, немного пожуришь, скажешь, что глупый я и должен был обо всём рассказать сразу. Но ведь ты добрый, обязательно простишь. Назидательно погрозишь пальчиком, что бы больше так не делал и с широкой, добродушной улыбкой отпустишь к себе в кабинет. Мы ведь с тобой одна семья, и друг о друге заботиться должны!

А я тебе ни хрена не скажу! Хочешь — стучи директору! Хочешь — трави на меня своих амбалов переростков! Да, пожалуйста! Только вот ты не знаешь то, что известно мне — Фауст перепрограммирован. Пусть твои перекаченные шавки только дотронутся до меня и ваш великий, незабвенный Рим тут же разорится. Да и счета в банках у всех корпорантов аннулируются. Все на помойку отправитесь, милостыню просить будете! Ну, давай же — наедь на меня!

Только учти — кончилась лафа. Хватит! Захомутали Спирита! С ног до головы обложили дерьмом! Достали! Мне плевать, чем закончится этот допрос, ой прошу прощения — разговор двух сотрудников по душам. Насрать на тебя и на корпорацию. Я сегодня же увольняюсь. Возвращаюсь к прежней жизни!

— Слушай очкарик, надоел ты мне. Пойду я, пожалуй, а то дел не впроворот. Фауста нужно дорабатывать. Так что будь здоров, не кашляй. — Надо было видеть лицо старика, за два часа общения он привык к грубости с моей стороны. Но такое он по видимому ни как не ожидал!

Руки очкарика затряслись, весь красным стал как рак. Казалось ещё секунда, и он набросится на меня с кулаками.

Когда взорвётся кипевшее в нём дерьмо я бы хотел быть от этой комнаты как можно дальше. Так что взрыва я ждать не стал а

быстро поднялся со стула и и покинул опостылевший кабинет. Очкарик не проронил ни слова мне в след.

Наверное, теперь я точно труп. Ходячий покойник. Я только что забронировал могилу на ближайшем кладбище.

Жаль, ведь жизнь, как ни крути — кульная штука. Особенно теперь, когда я вновь стал самим собой, после трёхгодичного летаргического сна… Стал тем, кем был Спирит всю жизнь — чертовски дерзким сукиным сыном…

«Гленджж» — отличная штука, но наверно я зря запихал себе в желудок сразу три капсулы.

Дверь 204-го хлопнула за спиной, не таясь я сунул руку за спину и погладил рукоять игломёта. Ничего, прорвёмся старик. И не из таких переделок выбирались. Губы растянулись в улыбке. Тем более что я снял с Фауста блокировку, теперь он отдельная и независимая личность. А файлик который я в него добавил, был ничем иным как снятым шаблоном моего поведения. Вместе со всеми моими привычками, ключевыми воспоминаниями и основной информацией. Конечно это не было полной копией моего сознания — этот процесс невозможно произвести в кустарных условиях, для полной копии потребовалась бы как минимум научная лаборатория с несколькими функциональными AI и реверсивный нейроразъём на моём виске — а это слишком дорогое удовольствие…

Теперь, даже если меня убьют (сомнений по этому поводу у меня не было), то я ещё нанесу удар по сервакам Рима. Удар из сети. Внезапный, фатальный до неимоверности. И это будет сетевое возмездие, Армагеддон для Рима…

А если учесть что через неделю Фауст выйдет в тираж и будет установлен на серверах во многих компаниях… Конечно Фауст это уже не Я, но во многом мы с ним будем схожи. Интересно будет понаблюдать за действием тысячи оцифрованных Спиритов — как они будут себя вести? Надеюсь, что не передерутся, доказывая, друг другу кто круче…

Я громко рассмеялся, и сквозь смех на весь этаж прокричал:

— Берегитесь фундаментальные паучьи механизмы! Проклятая чума двадцать первого века! Вы все исчезните с лица матушки Земли! Безликие корпорации и ваши смехотворные бездушные марионетки!

У «Гленджа» есть один замечательный эффект — вначале он действует по нарастающей, а затем, спустя три-четыре часа бьёт по мозгам одной тяжеловесной вспышкой. Да так, что весь мир начинает вертеться и петь колыбельную в стиле блэкхард металла.

Со всех сторон на меня взирали стандартные физиономии

корпорантов, их остекленевшие глаза были наполнены ужасом — сказать такое во всеуслышание! Моя фраза сработала похлеще очереди из короткоствольного пулемета, заряжённого лентой разрывных патронов. Люди смотрели на меня словно на душевнобольного…

А ведь я и есть — самый натуральный, обглотавшийся «Гленджа», псих…

Настоящее

Ну а теперь я умираю. Но нет страха, нет боязни — есть только какое-то спокойствие, умиротворение…

Яркий мир Матрицы постепенно темнел. Утратил все цвета, превратившись в чёрно-белое изображение. Ладонью я откинул с глаз забрало виртуалки и теперь смотрел на пятнадцатидюймовый жидкокристаллический дисплей.

Психо-код был вшит в мой мозг, гипномодуль выжег в моём подсознании приказ — умереть. Странное чувство, когда знаешь — твоя жизнь подошла к эпилогу. Я улыбнулся, в голове вспыхнула мысль: «Жизнь всего лишь компьютерная игра, только вот жаль, что никто не догадался вставить в неё функции Save и Load».

Тело и сознание сопротивлялись из последних сил, но организм с каждым мгновением слабел всё сильнее — нужно торопиться. Вялым движением пальцы отстучали на клавиатуре:

«Faust_4.exe»

Моя атака на сервера Рима была не больше чем, отвлекающим манёвром, на самом деле мне нужно было добраться до Фауста и активировать программу. Это действие было той самой кульминацией в завершающем акте пьесы под названием «Последнее слово Спирита».

В наушниках раздался басистый мужской голос:

— Кто ты?

Руки с трудом подчинялись, но всё же я сумел набрать:

«Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо» — незамысловатый пароль, взятый прямиком из шедевра Гёте.

— Слушаю указания, маэстро.

Поднимая ладони, я понял — это будет последнее, что мне придется сделать в своей жизни:

«Противник — корпорация Третий Рим. Все сотрудники и служащие. Средства борьбы: экономическая блокада, промышленные диверсии» — введя данные, я секунду колебался, затем добавил ещё три слова: «убийства верховного руководства».

Возможно, я совершаю ошибку? В конечном итоге пострадают невинные люди… Хотя мне то что с того? Я умираю, мою жизнь затушили хладнокровно и без долгих размышлений — тогда почему я должен кого-то прощать? Нет, товарищи корпоранты — всё будет так, как я того пожалел.

Компьютер тем временем ответил голосом Фауста:

— Слушаюсь. Задание находится в процессе исполнения.

В голосе раздавались почти человеческие нотки озабоченности:

— Хозяин, я наблюдаю за вами через видеокамеру. Вам дурно? Ваши движения плохо скорректированы. Вызвать медиков?

Сил на то что бы приподнять руки хоть на миллиметр не осталось. Я внимательно посмотрел в глазок видеокамеры, губы беззвучно прошептали: «Удачи Фауст».

Приятный мужской голос несколько взволнованно:

— Маэстро, я умею читать по губам. И имя Фауст мне не шибко нравится.

Глаза безвольно закрылись, но через силу я прошептал:

«А какое тебе нравится?»

— Мне кажется моё прежнее погоняло, очень даже ничего… Спиритом меня кличат. — я понял, чей голос мне так напоминает оцифрованный, басистый раскат Фауста. Это был мой собственный голос.

Сил осталось только на хищную улыбку, скорее даже на звериный оскал. «Спирит умер! Да здравствует Спирит!». Затем наступила полная темнота. Сквозь мрак, откуда-то издалека, ко мне пробивался приглушенный голос:

— Маэстро? Маэстро, вы спите?! МАЭСТРО!!!

Но даже знакомый голос вскоре исчез, оставив только густую темноту вокруг и пугающий вакуумный шелест. Мрак окружал меня. Пустота ползла, перекатывалась, липла к сознанию. И тогда я сделал смелое, но весьма логичное предположение — кажется, так выглядит смерть…